

Александра Анненская

Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Александра Анненская

**Оноре де Бальзак. Его жизнь
и литературная деятельность**

«Public Domain»

Анненская А. Н.

Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность
/ А. Н. Анненская — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839 – 1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только bibliофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	6
Глава I	12
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александра Анненская Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк А. Н. Анненской

С портретом Бальзака, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

В первой половине XIX века роман очень быстро завоевал себе одно из самых почетных мест в литературе Франции. Представители господствовавшей в то время романтической школы видели в нем удобную форму для воплощения в художественных образах своих идеалов, своих взглядов на искусство, на жизнь, на чувство. Виктор Гюго наряду с поэмами и драмами писал «Собор Парижской Богоматери» и «Ган-исландец», Жорж Санд обратила на себя общее внимание своими «Валентиной», «Индианой», «Лелией» и целой серией талантливых романов, Бейль (Стендаль), Теофиль Готье, Сент-Бёв, Жюль Жанен и менее видные представители романтизма привлекали массу читателей своими беллетристическими произведениями.

Рядом с этими «идейными» романами возникает роман-фельетон, «сенсационный» роман, рассчитанный на внешний интерес, привлекающий читателя запутанностью фабулы, неожиданностью развязки. «Монте-Кристо» и «Три мушкетера» Дюма приводят в восторг не особенно требовательную публику. Сулье, П. Феваль и другие наводняют книжный рынок самыми невероятными историями.

Рядом с романами тенденциозными и «сенсационными» появились первые зачатки романа натуралистического, – романа, ставившего себе задачей не поучать читателя, не рисовать ему идеалы, а просто изображать действительность. Отцом натуралистического романа считается по праву Бальзак, хотя он и не вполне отрешился в своих произведениях от влияния романтической школы. Первые романы его, подписанные большей частью псевдонимами, являются неудачными подражаниями Вальтер Скотту, фабула «Шагреновой кожи» напоминает своей фантастичностью Гофмана, «Серафима» проникнута романтическим мистицизмом. Богатая фантазия автора не редко отвлекала его от трезвого наблюдения реальной жизни и уносила то в мир грез, то в туманы им самим придуманной философии и психологии.

Трудно найти писателя более разнообразного в своей литературной деятельности, чем Бальзак. Кроме романов, он писал драмы, комедии, критические статьи, фельетонные заметки, политические памфлеты, ученые и философские трактаты. Но из всех этих родов литературы один только роман создал ему славу. Как драматург он слаб и вял; как критик он часто увлекается личными симпатиями и антипатиями; как политик он защищает легитимистскую монархию и сильную власть церкви; он ставит произвол выше закона, так как «закон – это паутина, через которую свободно проходят большие мухи и в которой остаются только маленькие»; как философ он туманен, не придерживается никакой определенной системы, является то мистиком и спиритом, то грубым материалистом. Все философские и научные обобщения, которыми испещрены его романы, – это по большей части произвольные и скороспелые выводы из недостаточно наблюденных фактов. Сам себя он считал глубоким мыслителем, но это заблуждение: его сила заключалась не в выводе, не в обобщении, а в изображении отдельных фактов, мелких подробностей, из которых сама собою слагалась полная картина. Подходя к какому бы то ни было жизненному явлению, он не преклонялся перед его красотой, не отворачивался от его безобразия, как романтики, а присматривался к нему спокойно, объективно, без восторга и без отвращения, стараясь угадать причины, породившие его, среду, обусловившую его существование. Чисты или грязны, изящны или безобразны описываемые им предметы, для него безразлично; жаба интересуется его столько же, сколько бабочка, коршуном он занимается охотнее, чем голубкой. «Я не сочиняю человеческую природу, я ее наблюдаю в ее прошлом и настоящем. Я изображаю людей не такими, какими они должны быть, а такими, какими они на самом деле бывают», – говорил сам про себя Бальзак. Такое наблюдение и такое воспроизведение наблюдаемого требовало бы кро-

потливой работы ученого, который медленно исследует факт за фактом, прежде чем решится на обобщение или объяснение их. Но воображение и творческая сила настолько преобладали в натуре Бальзака, что не допускали такой кропотливости. Он, несомненно, рисовал действительность, но так, как эта действительность отражалась в его собственном мозгу. Очень небольшого количества наблюденных фактов было для него достаточно, чтобы воссоздать целое явление. «Самая маленькая подробность давала ему возможность восстановить целый организм, целый класс общества», – говорит про него П. Бурже; в этом он похож на Кювье, который по одной кости, по одному зубу мог воспроизвести целый погибший вид животного. Он сознавал в себе эту способность и называл ее *pénétration retrospective*¹.

«У меня, – говорит он сам, – с детства наблюдение стало интуицией: оно давало мне возможность жить жизнью того человека, которым я был занят, позволяло мне вполне становиться на его место, как тому дервишу из „Тысячи и одной ночи“, который принимал душу и тело человека, подвергавшегося его заклятию».

Как Золя в своих романах дает нам яркую картину французского общества, созданного Второй империей, так в произведениях Бальзака мы видим отражение буржуазной монархии Луи-Филиппа. Торжество капиталистической промышленности, стремление к быстрой наживе, беззастенчивая спекуляция и скептически-индифферентное отношение ко всему, что не касается материальной выгоды, – вот основные черты времени и вот основная тема романов Бальзака. Деньги – главный рычаг жизни большинства выводимых им действующих лиц. Он представляет нам молодых людей, стремящихся в Париж, чтобы разбогатеть, и не брезгающих для этой цели никакими средствами; почтенных отцов семейства, пускающихся в самые двусмысленные предприятия; скряг, дрожащих над накопленным золотом; добродетельных женщин, готовых отдаться развратникам, чтобы устроить денежные дела семьи; невинных девушек, мечтающих о шелках и брильянтах, в которые их оденут избранники их сердца. В его романах перед нашими глазами проходит длинная вереница банкиров, спекулянтов, ростовщиков, маклеров, поверенных, продавцов, торгующих всем, не исключая своей и чужой чести; он беспрестанно говорит о разных финансовых и коммерческих предприятиях, о промышленных изобретениях и биржевых спекуляциях, о подложных векселях и мошеннических сделках. Он, по остроумному замечанию Тэна, «ввел торговые дела в область поэзии». Его герои ведут отчаянную борьбу за наследство или за приданое, банкротятся, разоряются, обогащаются, причем автор подробно описывает, каким путем шло это обогащение, и с интересом следит за ростом миллионов в руках какого-нибудь Гранде или Гобсека.

Мир наживы есть в то же время мир черствого эгоизма. В нем нечего искать самоотвержения, стремления к идеалу, бескорыстного служения истине или человечеству. И герои Бальзака не знают ничего подобного: они любят – но это по большей части чисто физическая любовь, стремящаяся к обладанию любимым предметом; они занимаются поэзией, наукой, литературой, но лишь настолько, насколько это нужно для приобретения денег или положения в обществе; они жертвуют собой ради семьи, но опять-таки главным образом ради материального обеспечения семьи.

Бальзака упрекали в безнравственности за то, что в его романах изображена темная сторона, изнанка и даже грязная изнанка человеческой жизни, – за то, что он вводит читателя в те трущобы, где гнездятся подонки общества, что он спокойно, без криков негодования и гримас отвращения рисует и наглый порок, и низкое лицемерие, и животную страсть. Такое обвинение, конечно, несправедливо: раз писатель поставил себе задачей изображать жизнь не такую, какую она должна быть, а такую, как она есть на самом деле, нельзя обвинять его за преобладание в его описаниях зла над добром, за всю ту массу грязи, подлости и гру-

¹ ретроспективное проникновение (*фр.*)

бости, которая будет заполнять эти описания. Нельзя винить зеркало, если отражающееся в нем лицо безобразно. Художник имеет полное право рисовать дурные и низкие стороны человеческой природы, смелой рукой срывать покровы со всех нравственных язв общественного организма. Он виноват только в том случае, если слишком сгущает краски в некоторых частях своей картины и тем лишает ее правильной перспективы. Бальзак не вполне чист от этого греха: его пошляки слишком легко доходят до последних пределов негодяйства, его злодеи часто являются настоящими чудовищами; он сам признается, что склонен «идеализировать» зло и порок. Такая «идеализация» есть несомненно грех против художественной правды, но не против нравственности. Если можно за что-нибудь упрекнуть Бальзака, так это за то, что он принимает слишком близко к сердцу все перипетии в материальном положении своих героев и как талантливый писатель передает свой интерес читателю, заставляет и его сочувствовать судьбе разных рыцарей легкой наживы, приучает смотреть на приобретение богатства как на главную задачу жизни и снисходительно относиться к тем средствам, какие употребляются для этого приобретения. В обществе, где все сводится к борьбе за существование, успех все оправдывает, все обеляет, сила встречает общее уважение. И Бальзак не чужд обаяния этой силы. Представляя нам злодея, тонко рассчитывающего каждый удар, ростовщика, ловко раскидывающего свои сети, честолюбца, ни перед чем не останавливающегося для достижения своих замыслов, он наделяет каждого из них почти сверхъестественной силой характера, пронизательностью, выносливостью; он ставит его до некоторой степени на пьедестал среди окружающей слабой, безвольной мелкоты; он аплодирует успеху своих героев, и читатель вместе с ним забывает, какой ценой куплен этот успех.

Поль Бурже в своих критических очерках разделяет всех романистов на две категории: на романистов, изображающих *характеры*, и на романистов, дающих картины *нравов*. Он находит, что каждая из этих категорий обладает своеобразною способностью наблюдения и рассматривает все жизненные явления с совершенно противоположной точки зрения. «Характер, – говорит он, – есть сумма тех свойств, которыми человек отличается от других людей; нравы – это сумма тех свойств, которыми он походит на других. Изображать характеры – значит, рисовать выдающиеся личности, изображать нравы – значит, рисовать людей средних». – «Может быть, – прибавляет он в заключение своего рассуждения, – высшее искусство состоит в том, чтобы уподобляться плодотворной природе, которая производит в одно и то же время группы людей, сходных между собою, и исключительных гениев». С этой точки зрения можно сказать, что Бальзак достиг высшей степени искусства, так как романы его представляют нам, с одной стороны, картины нравов самых разнообразных общественных групп, с другой – резко очерченные типы людей выдающихся, поглощенных какой-либо одной страстью, одним чувством.

Он вводит нас в аристократические салоны и знакомит с выродившимися представителями древних родов; точно так же – в кабинет министра и показывает, какие делишки обдываются под покровом административных мероприятий; в конторы всевозможных дельцов, начиная со всемогущего банкира до низкопоклонствующего ростовщика; в редакцию влиятельного журнала и маленькой газетки, торгующих печатным словом и развращающих как сотрудников, так и читателей; наконец – в избю крестьянина тупого, жадного, корыстолюбивого, не возвышающегося над чисто животными инстинктами. Он изображает нам жизнь Парижа – беспокойную, суетливую, неустойчивую, открывающую широкое поле для всевозможных честолюбий, и жизнь провинции – скучную, однообразную, с мелочными интересами, сплетнями, интригами, закоренелыми предрассудками и узкими взглядами. И всюду, во всех этих разнообразных сферах двигаются, чувствуют и страдают массы фигур мелких, плоских, малозаметных единиц, сумма которых составляет известный класс общества, известное сословие. А на их фоне выступают более яркие личности, «характеры», отличающиеся от толпы более сильным умом, а главное, более сильными аппетитами, более страст-

ной натурой. Бальзак дал нам целую галерею таких личностей. Стоит вспомнить его Гранде – скрягу, все душевные силы которого сосредоточены на одном – на любви к деньгам, который говорит дочери: «Девушка может отдать мужчине все, кроме своего золота», и который, даже умирая, силится стащить золотой крест из рук благословляющего его священника; Гюло, жертву другой страсти – женолюбия, ради которой он проматывает имение, теряет честь, уважение друзей и собственных детей, убивает верную, преданную жену и 70-летним, дряхлым стариком женится на своей глупой, толстой служанке; Филиппа Брида, грубого циника, не останавливающегося ни перед чем для достижения своих целей; Горио – этого фанатика отцовской любви; Класса, мономана-ученого; Миноре, добродетельного врача; и наконец – Вотрена, появляющегося в нескольких романах Бальзака. Это беглый каторжник, отрицающий всякую условную мораль, всякую установленную нравственность, спокойно совершающий преступления и в то же время обладающий удивительно пронизательным умом, обаятельно действующий на окружающих и способный к самой беззаветной привязанности, – фигура, не укладывающаяся в рамки реального романа, выходец из мира романтиков. Заслуга Бальзака при описании всех этих личностей состоит в том, что он почти всегда дает нам ключ к пониманию их; он заставляет нас присутствовать при зарождении и развитии их страсти или их зверского инстинкта; мы вместе с ним наблюдаем за постепенным извращением человеческой души под влиянием одного всепоглощающего чувства.

Бальзак считается знатоком женского сердца, поклонником женщины. Действительно, романы его дают нам длинный ряд женских портретов, начиная с невинной девушки, впервые открывающей свое сердце чистой любви, и до продажной развратницы, не знающей ни совести, ни стыда. Главное содержание жизни всех его женщин – это любовь, любовь почти всегда несчастная. Девушка отдает все свое сердце красивому юноше, он оказывается негодяем и обманывает ее; она выходит замуж, она верная, преданная жена, муж или мучит ее своим грубым деспотизмом, или изменяет ей с первой встречной кокеткой. Под влиянием непреодолимой потребности любить она отдается любовнику, окружавшему ее страстным поклонением: он или легкомысленно играет ее чувством или, воспользовавшись ею для своих эгоистических целей, бросает ее; она мужественно борется против своего чувства, она до конца жизни сохраняет верность мужу и семье и умирает в страшных мучениях, сознавая, что не умела жить, что приносила бесполезные жертвы. И всегда, во всех несчастиях женщины виноват мужчина: он груб, деспотичен или легкомыслен, он не понимает тонкой женской организации, он не может допустить умственного или нравственного превосходства женщины над собою. Если женщина изменяет мужу – вина его, не сумевшего дать ей счастья, или общественных условий, допускающих брак невинной девушки с нелюбимым человеком. Если она меняет любовников – это опять-таки их вина: они так пошлы, что не могут надолго привязать к себе женщину. Если она забывает свою первую, возвышенную любовь и отдается второй и третьей – это физиологическая потребность «богато одаренной» натуры. В прошлом каждой кокетки («куртизанки», как их называл Бальзак) есть мужчина, толкнувший ее на гибель, причина ее первого падения. Бальзак редко занимается молодыми девушками; они в его романах выходят бледными, пассивными; его героиня – женщина лет 30-40, пережившая первые увлечения и первые разочарования. Он с особенной яркостью описывает чувства и страдания женщины именно в тот период ее жизни, когда на лице ее появляются первые признаки отлетающей молодости, когда она с жадностью стремится воспользоваться последними оставшимися ей годами *женской* жизни. Бальзак – снисходительный судья всех женских слабостей и увлечений, но уважения к женщине у него очень мало. Стоит прочесть его «Физиологию брака», чтобы увидеть, какое место в природе он отводит женщине, какие искусственные меры он предписывает для сохранения ее чистоты. Нравственные устои, твердые принципы, высшие стремления чужды его женщинам почти настолько же, насколько и его мужчинам. В его женской галерее больше доброе-

тельных типов, чем в мужской, но и в той, и в другой типы эти плохо удаются ему, выходят или слишком бледными и пассивными, или ходульными. В его добродетельных женщинах гораздо меньше жизни и выразительности, чем в его порочных г-жах Камизо, Марнеф де Рошфид и пр., и пр.

Романы Бальзака приобретают особенный смысл вследствие того, что он соединил их в одно целое, связал между собою. Во всех них действуют одни и те же лица, каждый из них представляет часть общей картины, один акт огромной «Человеческой комедии». Благодаря этому читатель имеет возможность полного знакомства с его героями, узнает их происхождение, их родину, обстоятельства, определившие склад их характера. Сам Бальзак придавал громадное значение этому объединению своих произведений. В предисловии к своей «Комедии» он объясняет общий план, положенный им в основу его романов.

«Идея написать „Человеческую комедию“, – говорит он, – пришла мне в голову, когда я сравнил человечество с миром животных. Животные, по мнению Жоффруа Сент-Илера, созданы по однообразному типу и развиваются различно в зависимости от той среды, в какую попадают. Вся разница родов и видов зависит от условий этой среды. Я вполне разделяю эту мысль, и еще раньше спора между Жоффруа С.-Илером и Кювье я открыл, что человеческое общество подчиняется тому же закону. То, что верно для мира материального, одинаково верно и для мира социального; в нравственном отношении люди изменяются вследствие причин, аналогичных с теми, которые вызывают физические изменения, и образуют резко различающиеся между собою общественные разновидности, создаваемые воспитанием, семьей и данным направлением. Кошка, волк и лев не более различны между собой, чем ремесленник, дворянин, священник. Бюффон пытался представить в одной книге все животное царство; разве нельзя сделать того же для человеческого общества? Но природа положила между видами животных грани, в которых не могут удержаться виды социальные. Во-первых, в обществе рядом с мужчиной стоит женщина, и потому социальных видов получается вдвое больше, чем животных. Наконец, среди животных нет тех скрещиваний и смещений, которые существуют среди людей. Жизнь животных проста, у них нет ни домашней обстановки, ни искусств, ни наук, между тем как человек выражает свой нрав, свою мысль, свою жизнь во всем, чем пользуется для удовлетворения своих потребностей. Кроме того, обычаи, одежда, язык отдельных социальных видов меняются сообразно с требованиями времени и ходом цивилизации. Итак, мне предстоит тройная задача: изобразить, во-первых, мужчину с его интеллектом, его страстями и тенденциями; во-вторых, – женщину, которая вследствие присущих ей интересов образует особый класс; наконец, – вещи, материальное выражение мысли, жизни. Мне предстоит найти смысл разных социальных явлений, выяснить тайное значение всего этого сплетения лиц, страстей и событий. Я должен определить, в чем социальные группы отдалялись, в чем они приближались к вечному закону, к истине и красоте».

Задача грандиозная, неудобноисполнимая для одного человека, и Бальзак не мог справиться с нею, но во всяком случае его «Человеческая комедия» («Comédie Humaine») представляет единственный в своем роде памятник литературного творчества. В состав ее входят 96 романов, в ней фигурирует около 2 тысяч лиц, внутренний мир и внешняя обстановка которых описаны с замечательной подробностью. Подробность, «протоколизм» описаний составляет отличительную черту Бальзака. Он всегда держался той идеи, что внутреннее у человека кладет отпечаток на всю его внешнюю жизнь, на его дома, его мебель, его одежду, на его жесты и его язык, и что, с другой стороны, всякая мелочь внешней обстановки отражается на характере человека, является одним из факторов, служащих к созданию его психической индивидуальности. Вследствие этого он не скупится на подробности: выводя на сцену новую личность, он опишет город, улицу, дом, где она живет, ее квартиру, расположение комнат, расстановку мебели, цвет обоев и ковров, посуду, из которой она ест, одежду,

которую она носит в праздник и в будни; при описании наружности он обратит внимание на все черты лица, на все особенности фигуры, походки, манеры, голоса. Он не рисует крупными, смелыми мазками кисти, он кропотливо вырисовывает каждый штрих, и, только проследив до конца эту кропотливую работу, вы видите перед собою целую, живую фигуру.

Бальзак был одним из наиболее плодовитых писателей. Не считая массы мелких журнальных статей, он написал 120 крупных произведений, составляющих в общей сложности более 10 тысяч страниц. Настоящее значение его и место в литературе понято было лишь после смерти. При жизни романы его читались публикой с большим интересом, но большинство критиков относилось к нему неблагоприятно. Это объясняется отчасти личными отношениями романиста, отчасти господством в литературе романтической школы; реализм Бальзака многих отталкивал, многие упрекали его в цинизме, в безнравственности. Впрочем, глава романтической школы В. Гюго сумел отдать справедливость своему собрату по перу, несмотря на разность их направлений; вот что он говорил на могиле Бальзака:

«Сам того не сознавая и, может быть, даже не желая, автор этого колоссального и странного произведения („Comédie Humaine“) при надлежит к могучей расе революционеров. Бальзак идет прямо к цели. Он вступает в бой со всем современным обществом; он у всякого отнимает что-нибудь, уничтожает иллюзию одних, губит надежду других, у одного вырывает крик, с другого срывает маску, он перерывает порок, он анатомирует страсть, он рассекает и исследует человека, его душу, сердце, внутренности, мозг, всю ту бездну, которую каждый носит в себе. И по праву свободной личности, по праву умов нашего времени, Бальзак с ясной улыбкой покидает эти страшные исследования, которые доводили Мольера до меланхолии, Руссо до мизантропии».

На смену романтизму явилось другое направление, натуралистическое, явился «протокольный» роман, и представители этого нового направления отдают дань Бальзаку как своему родоначальнику. Характеризуя его «Комедию», Золя говорит:

«Мы видим перед собой как бы вавилонский столп, которого архитектор не успел да и не мог успеть достроить. Много стен обрушилось в нем и покрыло обломками землю. Строитель употреблял всевозможные материалы, какие только попадались ему под руку: известь, цемент, камень, мрамор, даже песок – и даже грязь. И своими мощными руками он воздвиг здание, гигантскую башню из материалов, взятых на скорую руку и без разбора, и при этом не особенно заботился о гармонии линий, о правильных размерах здания. Как будто видишь собственными глазами, как он обтесывает молотом громадные глыбы, ставя ни во что грацию и изящество линий. Этажи высятся над этажами без толку и системы – самого разнообразного стиля. Что это: вертеп или храм? Не знаешь, как и сказать. Это – целый мир, мир человеческого творчества, мир дивный, созданный поразительным строителем, в котором скрывался художник. Работник выстроил свою башню с таким инстинктом грандиозного и вечного, что остов здания останется, по-видимому, навеки неприкосновенным; пускай стены обваливаются, пускай падают потолки, пускай рушатся лестницы, – каменный фундамент устоит перед действием времени, и большая башня всегда будет выситься на подножии своих гигантских колонн. Мало-помалу песок и глина в ней обсыпятся, и тогда мраморный скелет здания будет красоваться на горизонте как громадный и растрепанный профиль целого города. И даже в отдаленном будущем, если какой-нибудь страшный ураган сотрет с лица земли наш язык и нашу цивилизацию и опрокинет остов здания, то обломки великой башни образуют на земле такую гору, что ни один народ не пройдет мимо нее, не заметив: „Тут покоятся развалины целого мира“.»

Глава I

Рождение. – Семья. – Первое воспитание. – Учение. – Страсть к чтению. – Выбор карьеры. – Жизнь в мансарде и мечты о славе.

Оноре Бальзак родился в Туре 16 мая 1799 года. Отец его был во времена Людовика XVI адвокатом и по своей профессии имел частные сношения как с разными высокопоставленными лицами монархии, так и с некоторыми передовыми деятелями революции. Ему удалось в 1793 году спасти нескольких аристократов, своих прежних покровителей; в то время это было небезопасно, и он ускользнул от подозрительности Робеспьера только благодаря расположению одного члена Конвента, который выхлопотал ему место провиантмейстера Северной армии. Он женился 50 лет на молодой, богатой девушке и, выйдя в отставку, поселился в Туре, где много лет заведовал богоугодными заведениями и слыл за чудака, у которого на все – своеобразные, оригинальные взгляды. У него было два любимых конька: во-первых, необходимость усовершенствования рода человеческого посредством естественного подбора и уничтожения всех уродов, во-вторых, сохранение собственного здоровья. Он решил, что должен прожить до 100 лет и для этой цели всячески старался поддерживать, – как он говорил, – «равновесие жизненных сил», строго исполнял гигиенические правила собственного изобретения и беспрестанно пичкал себя разными лекарствами тоже по собственному усмотрению. До женитьбы он поместил большую часть своих денег в тонтинную кассу и постоянно мечтал, что переживет всех своих совкладчиков и обеспечит детей громадным капиталом тонтинны². При всяких денежных затруднениях в доме он повторял: «Подождите, касса нам за все заплатит!» – и домашние привыкли верить в эти будущие миллионы тонтинны.

Г-жа Бальзак отличалась живым умом, пылким воображением, твердостью характера и неутомимой деятельностью. Старший сын ее умер грудным ребенком, и она не решилась сама кормить второго. Оноре отдан был на воспитание в ближайшую к городу деревню, где он провел первые годы жизни среди простой, здоровой сельской обстановки. Г-жа Бальзак была так довольна его физическим развитием, что, когда через два года после него у нее родилась дочь, она поместила ее к той же кормилице. Оноре шел пятый год, а сестре его – третий, когда они вместе вернулись в родительский дом. Г-жа Бальзак страстно любила детей, но воспитывала их строго и постоянно держала на некотором почтительном отдалении от себя. Бальзак до конца жизни не мог забыть, с каким трепетом подходил он в детстве пожелать матери доброго утра или покойной ночи, когда чувствовал за собой какую-нибудь вину. Отец был более матери склонен побаловать детей, но он казался им всегда слишком старым, слишком серьезным, и они дичились его. Эта отчужденность от родителей заставляла детей особенно тесно сблизаться между собой. У Оноре было две сестры и младший брат, но он был особенно дружен со старшей сестрой Лаурой, вышедшей впоследствии замуж за г-на Сюрвиля и издавшей «Записки» о своем нежно любимом брате. В этих «Записках» она вспоминает, как маленький Оноре постоянно являлся ее защитником и покровителем, как он часто брал на себя ее шалости, чтобы избавить сестру от наказания. «Когда мне удавалось вовремя восстановить истину, – рассказывает она, – он говорил мне: „Не признавайся в другой раз: мне приятно, что меня бранят вместо тебя“.»

Оноре очень рано отдали в школу и, выучившись читать, он пристрастился к чтению сказок и всяких фантастических приключений. Семи лет его уже поместили полным пансионером в Вандомский коллеж, считавшийся в то время образцовым заведением. В этом кол-

² Род взаимного страхования жизни, при котором каждый член кружка вносит известную сумму на определенный срок с тем, что по прошествии этого срока капитал и наросшие проценты делятся поровну между членами, оставшимися в живых

леже детей не отпускали на каникулы, и маленький Оноре видался с родителями только два раза в год, на Пасху и в день раздачи наград, когда они приезжали к нему из Тура. Бедный мальчик нетерпеливо ожидал этих счастливых дней, мечтал о них за несколько недель, но, увы, они приносили ему больше неприятностей, чем радости: он учился плохо, не получал никаких наград, учителя жаловались на него, и родители во все время свидания бранили и упрекали его. Он провел в коллеже 7 лет и оставил его, не кончив курса, по болезни. Мальчик вдруг сильно похудел, ослабел, глядел каким-то тусклым, бессмысленным взглядом, не замечая окружающего, часто не слышал, что ему говорили, не мог сразу ответить на самые простые вопросы. Врачи приписывали эту болезнь мозговому переутомлению, но такой диагноз представлялся его воспитателям нелепостью, так как Оноре слыл у них за отъявленного лентяя.

Впоследствии он объяснил, в чем было дело: оказалось, что он нашел средство добывать книги из богатой библиотеки коллежа и зачитывался ими всякий раз, когда попадал в карцер, что случалось почти ежедневно. Книги были по преимуществу серьезного содержания, слабый ум ребенка не мог совладать с массой знаний и идей, вдруг нахлынувших на него. Г-жа Бальзак пришла в ужас при виде того, что сделало училище из ее веселого, здорового мальчика, и решила не помещать его больше в интернат. Она на время прекратила для него все занятия и заставляла его играть и гулять с младшими детьми, а когда здоровье его восстановилось, поместила его приходящим учеником в коллеж в Туре. Здесь ученье его пошло несколько лучше, чем в закрытом заведении, и в то же время у него появились мечты о будущей славе. На каком поприще он достигнет этой славы, Оноре еще не знал, но что о нем когда-нибудь заговорят, в этом он был твердо убежден. Домашние постоянно подсмеивались над этими мечтами юноши. При родителях Оноре всегда держал себя робко, сдержанно, и они считали его самым обыкновенным ребенком, скорее ниже, чем выше посредственности; сестры и товарищи видели в нем веселого, добродушного, шаловливого мальчика, увлекавшегося детскими играми, и не подозревали в нем никаких особенных способностей.

В конце 1814 года Бальзак-отец получил место при интендантстве, семья переселилась в Париж, и Оноре перешел в Парижский коллеж. Он кончил курс коллежа семнадцати лет, и отец его, находя, что для образованного человека прежде всего необходимо знать законы как своей страны, так и чужих государств, поместил его для занятий сначала у стряпчего, потом в конторе нотариуса. Три года изучал Оноре практическое право, посещая в то же время некоторые лекции в Сорбонне. Страсть к чтению не оставляла его и часто переходила в библиофильство: свои немногие карманные деньги он тратил на покупку у букинистов редких изданий и таким образом положил начало своей богатой библиотеке. В 21 год молодой человек, выдержав экзамены, мог считать свое образование законченным и должен был избрать себе какую-нибудь деятельность.

Отец с торжеством объявил ему, что ему нечего затруднять себя выбором, что карьера его обеспечена. Один господин, которому во время революции г-н Бальзак оказал помощь, занимал место нотариуса в Париже и в благодарность своему старому покровителю предлагал взять к себе на службу его сына, а через несколько лет обещал передать ему и всю свою контору. Оноре возмущился. Трехлетняя возня с разными юридическими документами достаточно надоела ему, он надеялся, что, окончив курс, получит возможность посвятить себя литературе, к которой давно чувствовал призвание, а ему предлагают снова занять ненавистное место клерка у нотариуса и манят его в далекой перспективе скромным местом нотариуса, – его, который мечтал о славе, о всемирной известности! Он в самых энергичных выражениях отверг предложение отца и напрямик объявил, что ненавидит юриспруденцию и хочет посвятить себя писательской деятельности. Отец, мать и старшие родственники, призванные на семейный совет, пришли в ужас и негодование. Литература представлялась им несерьезным занятием, которым невозможно сделать карьеру. Они знали, что на свете

бывают знаменитые писатели, но как мог мечтать о подобной знаменитости их Оноре, с трудом кончивший курс коллежа, ни в чем не проявлявший ни особенного ума, ни способностей, беззаботный весельчак, часто дурачившийся вместе с младшими детьми! Мальчик просто ленится, хочет бездельничать! Много неприятных семейных сцен пришлось вынести молодому Бальзаку, но он оставался тверд в своем решении, и в конце концов отец согласился на компромисс: он обещал не навязывать сыну никакого места и давать ему содержание в течение двух лет, с тем чтобы молодой человек испытал в это время свои силы на литературном поприще. Оноре должен был жить в Париже один. Незадолго перед тем отец его лишился своего места, и семья решила переехать в свое маленькое поместье в Вальпаризи.

Отчасти вследствие собственных денежных затруднений, отчасти чтобы не «баловать» юношу и заставить его поскорей почувствовать необходимость покориться и приняться за практическое дело, родители назначили молодому Бальзаку очень скудное содержание. Оноре нанял себе маленькую комнату на чердаке и часто нуждался в самом необходимом. Но он мужественно перенес переход от комфорта зажиточной семейной обстановки к неудобствам бедной и одинокой жизни. Чтобы избавить сына от насмешек знакомых, в случае, если бы его попытка окончилась неудачей, родители его никому не говорили, что он живет в Париже, и сам он ни с кем не знался. Отчасти по недостатку средств, отчасти из опасения встретиться с кем-нибудь из знакомых, он не пользовался никакими общественными удовольствиями, не ходил даже на людные улицы. Любимой прогулкой его было кладбище Лашез, где он мечтал над могилами великих людей и вздыхал о судьбе тех из них, которые погибли жертвой толпы, не понимавшей ни их идей, ни их поступков.

В письмах к любимой сестре он то в шуточных, то в восторженных выражениях описывает свою жизнь того времени, говорит о всех своих материальных лишениях и нравственных страданиях, о широких планах и гордых замыслах.

«Я взял себе лакея, – пишет он в одном из своих первых писем. – Да, лакея, у него очень странное имя, его зовут: „Я сам“. Это очень плохое приобретение для меня, „Я сам“ ленив, неловок, непредусмотрителен. Его хозяин терпит голод и жажду, а он не может принести ему ни хлеба, ни воды; он не может даже защитить его от ветра, который дует на него и через дверь, и через окна». Дальше рассказывается, как он бранит своего лакея: «„Я сам!“ – „Чего изволите?“ – „Посмотрите на эту паутину, в которой жужжит муха под самым моим ухом! Посмотрите, какая пыль под кроватью, какая грязь на окнах, свету не видать!“ Лентяй глядит и не двигается с места! Но несмотря на все его недостатки, я никак не могу расстаться с этим дураком».

В другом письме он говорит:

«Положение моего хозяйства самое бедственное: работа мешает чистоте. Негодяй „Я сам“ становится все более и более нерадивым. Он ходит за покупками не чаще, как дня через три-четыре, и покупает все в самых ближайших лавочках, хотя в них все продукты хуже и дороже, чем в других. Ходить в другие лавки далеко, а бедняк скупится на ходьбу; таким образом, твой брат, будущая знаменитость, питается уже теперь, как великий человек, т.е. он умирает с голоду».

В том же письме он просит сестру прислать ему из библиотеки отца том Тацита и прибавляет:

«Вместе с Тацитом не забудь прислать мне покрывало для ног; если бы ты могла присоединить к нему какую-нибудь старенькую шаль, она бы мне очень пригодилась. Ты смеешься? Но она мне нужна для ночного костюма. Прежде всего мне надобно было позаботиться о ногах, так как они всего больше страдают от холода. Я их завертываю в плащ, который мне смастерил в Туре Гроньяр (плохонький портной, перешивавший платье старика Бальзака его сыну. – *Авт.*). К сожалению, этот плащ слишком короток, и верхняя часть моего

тела плохо защищена от холода, который сквозь крышу и фланелевую рубашку легко проникает до кожи твоего брата, увы, слишком нежной, чтобы его переносить!»

Среди этой нищенской обстановки молодой человек не унывал:

«На улице Лёдигьер, № 9, – шутит он в письме к сестре, – загорелась голова одного бедного юноши, и пожарные не могли потушить огонь. Причина пожара – красавица, с которой он не знаком; говорят, она живет в конце моста „Искусств“, ее зовут „Слава“. Беда в том, что, пылая, юноша все еще рассуждает, он говорит самому себе: „Есть ли у меня гений или нет, во всяком случае меня ожидает много горя. Без гения – я мученик! Мне придется всю жизнь ощущать неисполнимые желания, подлую зависть, тоску и печаль. Если у меня есть гений – меня будут преследовать, на меня будут клеветать, я знаю, что тогда г-же „Славе“ придется часто утирать мои слезы“.»

Множество планов и проектов роились в голове молодого мечтателя. Он задумывал комедии, трагедии, комические оперы, начал два романа, проработал над ними несколько недель и бросил их. Наконец, после многих колебаний, он остановился на трагедии в стихах в классическом стиле и поспешил сообщить о своем решении сестре.

«Я остановил свой выбор на „Кромвеле“, – пишет он ей, – он мне представляется самым красивым лицом новой истории. С тех пор как я облюбовал и обдумал этот сюжет, я отдался ему всей душой. Масса идей осаждает меня, но меня постоянно задерживает моя неспособность к стихосложению. Я не раз изгрызу себе все ногти, прежде чем кончу первый памятник своего творчества. Если бы ты знала, как трудно создавать подобные произведения! Великий Расин два года отделял „Федру“, приводящую в отчаяние поэтов. Два года! Подумай только: два года! Но как мне приятно, работая день и ночь, связывать мои работы с мыслью о дорогих мне людях. Ах, сестра! Если правда, что небо одарило меня каким-либо талантом, я особенно рад тому, что моя слава падет и на вас. Какое счастье победить забвение, прославить имя Бальзака! При этой мысли вся моя кровь закипает! Когда мне приходит в голову какая-нибудь красивая идея, мне кажется, я слышу твой голос: „Смелей, вперед!“ – В виде отдыха я пописываю „Стеллу“, очень хорошенький, маленький роман. Я окончательно бросил комическую оперу. Я не могу найти для нее композитора, сидя в своей мурье³; к тому же мне не следует подделываться под современный вкус, я должен писать, как писали Расин и Корнель, я должен работать для потомства! Кроме того, второй акт вышел у меня слаб, а первый слишком музыкально блестящ. Если сочинять просто ради сочинительства, так уж лучше писать „Кромвеля“. Но обыкновенно в трагедиях бывает до 2 тысяч стихов, подумай же, сколько мне надобно сочинить. Пожалей меня! Впрочем, что я? Нет, не жалею меня, я счастлив; скорей, завидуй мне и вспоминай меня почаще».

Творчество нелегко давалось ему.

«Ах, сестра, как я мучусь! – жалуется он в одном из своих писем. – Я пошлю к папе прошение, чтобы он мне предоставил первое вакантное место мученика! Я открыл в своем „цареубийце“ недостаток построения и массу плохих стихов. Я настоящий *Pater dolorosa*. Если окажется, что я не более чем плохой стихоплет, я, право, повешусь! Со своей несчастной трагедией я похож на Перетту-молочницу, и, может быть, сравнение мое слишком верно! А между тем это произведение должно выйти удачным во что бы то ни стало, я должен иметь что-нибудь законченное к тому сроку, когда маменька потребует у меня отчета. Я целые ночи провожу за работой, не говори ей этого, она станет беспокоиться. Сколько труда доставляет любовь к славе! Да здравствуют лавочники, черт возьми! Они целый день торгуют, вечером считают свои барыши, время от времени наслаждаются какой-нибудь страшной мелодрамой и чувствуют себя счастливыми! Да, но ведь вся их жизнь проходит среди крупы и мыла.

³ Тесное и темное жилье, конура

Лучше скажем: да здравствуют литераторы! Да, но они все бедны деньгами и богаты только разочарованиями. Ба! Пусть те и другие живут как хотят, и да здравствует весь свет!»

Сестра Бальзака была поверенной всех тех колебаний в настроении, которые обуславливаются напряженной авторской работой. Ей первой сообщил он план своей трагедии, но под большим секретом, желая сделать сюрприз остальной семье.

«Немалый подарок, немалый знак дружбы даю я тебе, – шутливо замечает он при этом, – позволяя тебе присутствовать при акте зарождения гениального произведения (смейся, пожалуй!). Так как пока это только план, то я оставил на полях места, где ты можешь делать свои великолепные замечания. Несмотря на эту великую вольность, прошу вас, сударыня, читайте почтительно план Софокла Младшего. Подумать, что можно прочесть в один час то, что иногда приходилось писать целые годы».

Сам автор увлекается своим планом и чрезвычайно доволен им. В последней сцене несчастная вдова казненного Карла I, узнав о кончине мужа, должна разразиться проклятиями против Англии и обещать отомстить ей, восстановить против нее Францию, которая победит, раздавит ее.

«Это будет необыкновенно торжественно, – восклицает он, – и, уверяю тебя, я мастерски проведу эту сцену. После нее партер уйдет спать весь в слезах. Хватит ли у меня таланта! Мне хочется, чтобы моя трагедия стала настольной книгой королей и народов. Я должен начать с образцового произведения или сломать себе шею! Умоляю тебя именем нашей братской любви, не говори мне: „Это хорошо“. Указывай мне только мои недостатки; достоинства я сам хорошо знаю! Не может быть, чтобы ты не нашла план превосходным. Какое красивое построение! Как интерес возрастает с каждым явлением! Инцидент с сыновьями Кромвеля очень удачно придуман. Характер сына Страффорда также замечательно как удался мне! Великодушие Карла I, возвращающего Кромвелю его сыновей, прекраснее, чем великодушие Августа, прощающего Цинне. Осталось исправить некоторые ошибки, но они незначительны, и я их уничтожу».

В этих письмах к сестре выразился весь Бальзак, увлекающийся мечтатель, быстро переходящий от самовосхваления к отчаянью, энергичный, неутомимый работник, не отступающий ни перед какими трудностями. Не написав еще ни одной строки, годной к печати, он в мечтах уже не довольствуется одной только литературной славой.

«Я более чем когда-нибудь думаю о своей карьере по тысяче причин, из которых я укажу тебе только некоторые, так как ты, может быть, не видишь их, – пишет он сестре. – Наши революции еще далеко не кончены, по тому, как все волнуется кругом, я предвижу еще много бурь впереди. Хороша или дурна представительная система, но она требует огромных талантов; во время политических кризисов будут непременно обращаться к великим писателям; разве они с образованием не соединяют наблюдательности и глубокого знания человеческого сердца? Если я окажусь молодцом (правда, это еще неизвестно), я могу достичь не одной только литературной известности. Присоединить к имени великого писателя имя великого гражданина – какая соблазнительная цель!»

Глава II

Чтение «Кромвеля». – Переселение в Вальпаризи. – Дружба с 2-жою Берни. – Первые заработки. – Финансовые предприятия. – Разорение.

В апреле 1820 года «Кромвель» был окончен, и молодой автор, вполне довольный своим произведением, приехал с ним в Вальпаризи. Он был так уверен в успехе, что устроил торжественное чтение своей драмы и пригласил на него всех родных и многих знакомых, особенно тех, кто не верил в его талант и советовал ему пристроиться к нотариусу или в какое-нибудь министерство. Слушатели чинно уселись в большой зале, автор начал чтение, стараясь и голосом, и жестами оттенять все красоты своего произведения. Но, увы! Чем дольше он читал, тем холоднее становилась его декламация, тем более охватывали его уныние и тревога: он видел на лицах присутствовавших все возрастающее выражение скуки, утомления, даже в глазах своей любимой сестры, Лауры, он не прочел ободрения: она глядела как-то испуганно, она, видимо, была разочарована и страдала за него. По окончании чтения все единогласно решили, что произведение очень слабо, а наиболее строгие родственники прямо заявляли, что литературная бездарность Оноре очевидна и что ему следует как можно скорее приняться за какое-нибудь полезное дело.

Г-н Бальзак, понимая, как должен страдать его сын, в утешение предложил ему передать трагедию на просмотр какому-нибудь беспристрастному и компетентному в этом деле лицу. «Кромвеля» переслали к одному старому профессору Политехнической школы – человеку, известному своим широким литературным образованием. Профессор добросовестно прочел трагедию и затем объявил, что автор ее может заниматься чем ему угодно, но отнюдь не литературой.

Новый удар для самолюбия молодого Бальзака, но он перенес его с удивительным мужеством. «Это значит только, что я не способен писать трагедии, – сказал он, – ну, я буду писать что-нибудь другое!» – и он собирался вернуться в свою мансарду. Этому воспротивилась мать. За 15 месяцев парижской жизни Оноре до того исхудал и побледнел, что она не захотела подвергать здоровье его новому испытанию. Пусть он пишет, если решительно не хочет делать ничего другого, но пусть живет в семье, сытно ест, не страдает от материальных лишений. Бальзак покорился и этому, как раньше покорялся своему парижскому изгнанию, и немедленно взялся снова за перо. Он оставил на время всякие попытки писать драмы и решил сосредоточить свои силы на романе. В доме отца он был вполне обеспечен в материальном отношении, но далеко не пользовался той свободой и тем покоем, как в своей бедной мансарде. Семья была большая, во главе ее стояла хлопотливая хозяйка, и при своем живом, отзывчивом характере он не мог не принимать участия во всех мелких и крупных событиях домашней жизни. Нравственная и материальная зависимость от семьи сильно угнетала его, оскорбляла его самолюбие. Особенно тяжело ему стало после свадьбы Лауры, которая вышла замуж за инженера Сюрвиля и уехала со своим мужем в Байе. Единственное средство выбиться на волю, завоевать себе уважение и обеспеченность он видел в литературной работе и предавался ей с лихорадочным жаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.